

ПРОЧЕ

ОКСАНА СИРОТКИНА

Оксана Сироткина

Прочие

<https://litres.ru/74657912>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марина Васильевна Лопатина восемнадцать лет работает в районном ЗАГСе и не пропустила ни одной ошибки в документах. Когда квартальная сводка не сходится на единицу, начальница советует вписать её в графу «Иное». Марина берёт чернильную ручку, которой подписывает только то, что остаётся навсегда, и пишет: «1».

С этого дня в системе появляются новые колонки, в коридоре — человек в сером пуховике, на котором нет ни одной снежинки, а попугай, привыкший говорить голосом её бывшего мужа, начинает по ночам говорить из-под пледа чужим, старческим голосом. В архиве лежит запись о смерти человека, которого Марина не помнит. Сделана она её рукой, за три недели до того, как его нашли.

Сухая и тёплая повесть о системе, которая записывает всё, и о женщине, которая впервые спрашивает: «А он согласен?» Вторая в цикле, читается отдельно.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Прочие

ГЛАВА ПЕРВАЯ Всего по списку

Свидетельство о рождении у нас выдают в третьем окне, о смерти во втором, а брак регистрируют наверху, под люстрой, которую завхоз называет «наш хрусталь». Между вторым окном и люстрой тридцать четыре ступени. В первый год я их считала. Потом перестала, но цифра осталась, как остаётся номер маршрутки, на которой давно не ездить.

Расстояние это придумала не я. Тамара Львовна, начальница, говорит: люди не должны пересекаться в коридоре. Те, кто выходит, не должны видеть тех, кто входит. Поэтому у нас две двери, разные часы приёма и Валентина Ивановна с термосом, которая умеет остановить человека одной ладонью. «Вам ещё рано», — говорит она жениху. «Вам уже можно», — говорит вдове. Ошибалась она за все годы два раза, и оба раза я была свидетелем.

Утро у меня начинается с Бориса Аркадьевича.

Он серый жако, ему тридцать шесть лет, и он старше моего брака, хотя брака уже нет. В семь десять, когда я ещё лежу с закрытыми глазами, он говорит из кухни, из-под пледа, голосом моего мужа:

— Мариш, ключи.

Голос с одышкой на последнем слоге, с лёгким нажимом на «ш». Олег двадцать лет говорил это в дверях, уходя на работу. Здесь он не прописан уже три года. Голос прописан.

Я встаю, снимаю с клетки плед, насыпаю зерно. Борис Аркадьевич смотрит на меня одним глазом, потом другим, и это не нежность. Он проверяет, на месте ли я.

— Ключи у меня, — говорю я. — Как и вчера.

Он молчит. Говорить два раза подряд одно и то же ниже его достоинства.

В автобусе я смотрю в окно и думаю про печать. Она лежит у нас в верхнем ящике, старая, с деревянной ручкой, и пережила две реформы и один ремонт. Ею ставят «Принято».

* * *

В девять ноль-ноль открывается второе окно.

Первой приходит женщина лет семидесяти пяти, в синем берете, с папкой, завязанной на бант. Нина Степановна. Муж умер в пятницу. По телефону я предлагала ей записаться через Госуслуги, она сказала, что запишется сама, с папкой. Она принесла всё: паспорт его, паспорт свой, свидетельство о браке с бурой лентой по краю. Медицинское свидетельство о смерти пришло к нам само, электронное, но она распечатала и его.

— Вы не торопитесь, — говорю я. — Садитесь.

— Я не тороплюсь. Я всю жизнь с папками, мне только

дайте разложить.

Она раскладывает. Я проверяю по списку. В каждом деле есть то, что я называю «ловушкой одной буквы»: фамилия, написанная в медицинском свидетельстве через «и», а в паспорте через «ы». Система такое не ловит. Ловлю я. За восемнадцать лет я не пропустила ни одного, и это единственное, чем я здесь горжусь.

— Дата смерти двенадцатое, а в свидетельстве тринадцатое, — говорю я.

— Он умер ночью. Врач сказал: считайте по тому, что написал дежурный.

— Хорошо. По записи.

Нина Степановна кивает. Руки у неё на папке не дрожат. Дрожит бант.

В одиннадцать наверху начинается первая на сегодня регистрация. Я знаю это по Мендельсону. Ренат, который у нас ведёт церемонии и фотографирует всех подряд, запускает колонку ровно за минуту до выхода пары. Колонка стоит над вторым окном, потому что завхоз однажды сказал, что розетка там одна, и с тех пор никто не спорил.

Марш проходит сквозь потолок целиком, с трубами. Нина Степановна поднимает голову.

— Красиво, — говорит она.

— Простите. Это наверху.

— Нет, красиво. — Она смотрит на потолок. — Мы с Колей под него расписывались. В семьдесят первом. Он тогда

ещё заикался, и в ЗАГСе сказал «да» с третьего раза. Регистраторша шёпотом подсказывала.

Я пишу в строке «Причина смерти» то, что написано в справке. Над нами человек двадцать хлопают в такт. Нина Степановна слушает и кивает в такт, мелко.

— Он любил Мендельсона. Говорил, что это единственная музыка, под которую человек идёт вперёд и не оглядывается.

Я не знаю, что на это ответить. Ставлю печать — она ложится на бумагу с обычным, чуть влажным звуком. Протягиваю ей свидетельство.

— Хорошо, что у вас тут так, — говорит Нина Степановна. — Я боялась, что тихо будет.

Она выходит, не пересекаясь ни с кем в коридоре. Валентина Ивановна провожает её до двери и ладонью останавливает идущего навстречу жениха.

* * *

После обеда приходит Диана.

Диане двадцать четыре. У неё длинные ногти разных цветов, и работает она у нас второй год, но по документам разбирается лучше, чем половина отдела. Она говорит «окей» и «давайте я посмотрю». Мне это иногда мешает, но чаще успокаивает.

— Марина Васильевна, — говорит она, — у меня квартальная сводка не сходится. На единицу.

Я беру её распечатку. Всю статистику у нас считает систе-

ма, но сводку по-прежнему печатают, подписывают и сдают на бумаге. Систему за мои годы меняли три раза, форму ни разу: рождения, браки, разводы, смерти. Внизу итог, а под ним маленькая строка, которую никто не читает: «Всего по списку, в том числе». В скобках мелким шрифтом перечислено, что в этот итог входит.

— Покажите ваш подсчёт.

Диана протягивает листы. Рождений сто сорок три, браков девяносто восемь, разводов шестьдесят один, смертей двести одиннадцать. Складываю. Выходит пятьсот тринадцать. В итоговой строке стоит пятьсот четырнадцать.

— Окей, — говорит Диана. — Я проверила три раза.

— Я проверю четвёртый.

Я иду по реестру. Строка за строкой. Рождения: сходится. Браки: сходится. Разводы: мой собственный, того числа, которое я не люблю вспоминать, на месте. Смерти: двести одиннадцать, у каждой своя подпись и свой номер.

Лишнего человека нет. Лишняя единица есть.

— Это погрешность, — говорит Диана. — В пределах.

— У нас нет погрешности. У нас люди.

Диана смотрит на меня и не говорит «окей». Фраза вышла громче, чем я хотела. Другой фразы у меня на этот случай нет.

Иду к Тамаре Львовне. Она сидит под портретом начальства, который при каждом ремонте меняется на следующий, и пьёт чай из кружки с надписью «Лучшая тётя». Кружку

подарила племянница, а надпись начальница считает вопросом, не требующим комментариев.

— Тамара Львовна, лишняя единица в итоге.

— Откуда?

— Не знаю.

— Значит, из «иного».

— У нас нет «иного».

— Марина, — говорит Тамара Львовна, и голос у неё становится мягкий, как перед тем, как она скажет «нет», — «иное» есть везде. Это то, что не влезло в графу. Запишите единицей в «иное» и сдавайте. Баланс есть баланс.

Слово «баланс» у нас не употребляется. Мне оно не нравится.

— А если там никого нет?

— Тогда никто и не пострадает, — говорит Тамара Львовна и возвращается к чаю.

Я иду к себе. Отодвигаю шариковую ручку, достаю чернильную, которой подписываю только то, что остаётся навсегда. Нахожу в форме графу «Иное». Раньше она всегда была пустой, и я думала, что её оставили для красоты, как лишнюю розетку.

Пишу: «1».

Итог сходится. Диана, увидев это, говорит «окей» и уходит красить ногти. Я остаюсь с чернильной ручкой в руке. Впервые за восемнадцать лет я записала то, чего нет в документах.

* * *

В половине шестого Валентина Ивановна садится ко мне с телефоном.

Телефон у неё большой, в чехле с кошкой. Раз в день она наливает из термоса чай в две крышки, надевает очки на цепочке и читает мне вслух отзывы о нас. Не с городского портала, там всё проверяют, а с карт, где мы значимся как «Отдел ЗАГС» с рейтингом 4,1 и где проверять некому. Так заведено. Когда я однажды спросила, почему мне, а не Диане, она ответила: «Вы одна не смееетесь вовремя».

— «Ренат красавчик, фото огонь, муж на всех не моргал, а на одном моргнул, и это самое лучшее. Пять звёзд. Галина».

— Хорошо.

— «Парковки нет. Одна звезда». И всё. Больше ничего не написал.

— У нас нет парковки.

— Вот человек и пишет.

Она листает пальцем, очки не поднимает.

— «Марш был громкий, мы в это время сдавали на смерть». А, это Нина Степановна, с внучкиного телефона, аватарка собака. Тут она передумала. «Предлагаю потише, но не убирать». Три звезды. Почему три?

— Чтобы не обидеть.

— «Нужен второй стул в зале ожидания. Вторая бабушка стоит». Пишет мама, в конце приписка: «Саша диктует, ему девять».

Я смеюсь. Негромко, но Валентина Ивановна кивает: вот.

— «Спасибо за свидетельство. Всё прошло быстро, а лучше бы медленно». Пять звёзд, без имени.

— Это не нам, — говорю я. — Это жизни.

— Вы бы так и написали.

Она листает дальше и перестаёт. Не сильно: так замолкает человек, который нашёл в кармане чужую перчатку.

— Вот новенькое. «Приняли. Спасибо». Без имени, без картинки. И звёзд нет.

— Как нет?

— Так нет. Там же поле обязательное, без звёзд не отправить. — Она поворачивает телефон ко мне. — И число завтрашнее.

Вместо оценки пустое место, а в углу, где дата, завтрашнее число. Больше ничего особенного: шрифт как у всех.

— Сбой, — говорю я.

— Сбой, — соглашается Валентина Ивановна. Гасит экран, допивает чай, крышка возвращается на термос с тихим щелчком. — Но вежливо.

Больше мы об этом не говорим.

* * *

Домой я добираюсь в восемь. Борис Аркадьевич встречает меня с жердочки.

— Мариш, ключи, — говорит он голосом Олега.

— Ключи у меня, — говорю я. — Ты спрашиваешь каждый вечер.

Я готовлю гречку, ем её стоя, мою тарелку. Телевизор не включаю. Через форточку слышно, как кто-то во дворе выбывает ковёр. В марте, по снегу, по привычке.

Одну вещь я заметила и до сих пор не знаю, что с ней делать. В форме, которую я сегодня подписала, нет места для подписи того, о ком идёт речь в «ином». Есть строка для печати, для фамилии принявшего, для даты. Для человека нет.

Я достаю из ящика кухонного стола старую записную книжку и записываю в неё: «Иное: 1». Потом зачёркиваю. Потом переписываю.

Борис Аркадьевич молчит.

Накрываю клетку пледом, как всегда в одиннадцать. Он любит, когда у него забирают свет, и терпеть не может, когда это делают поспешно. Стою рядом, держа край. Из-под ткани слышится возня, потом короткий скрип жердочки.

И голос, которого я не знаю. Старческий, ровный, с чуть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.